— Не примите в обиду... Думал вину свою покрыть... Сергей Платонович закатил налитые от крови и без глаза и тянущую под ноги Митьке чугунную массивную метельницу. Она рикошетом ударила Митьку в чашечку левой ноги, на отдернула боль и растянув дверь вонзникивая нагнал от обиды и воли:

— Воля ваша, Сергей Платонович! Как хотите, а я от души... Кому она такая-то нужна? Вон и думалось славу прикрыть... А то что? Накушенный кусок кому нужен? Собака и то не ест.

Сергей Платонович прикладывая к губам скомканный платок шел за Митькой по пятам. Отворотив дорогу через парадный ход и Мишка сбежал во двор. Тут-то Сергей Платонович только глазом Митьку, пока Митька возился с тугим засовом и калитки вырвались из-за угла сарая три четыре вспущенных собаки и расстелились по чистому снегу двору завидя Митьку...

Абз. Из Нижнего с ярмарки привез Сергей Платонович в 1910 году пару чистых кучковых щенят сук и кобелька. Были они черно, кучевы, золотисто. Через год вырос с подсвалка телка росстом, рвали на бабах, недавших мимо Митькиного двора пор, потом научились валять баб на землю и кусать за спины и только тогда, когда загрязли по самые по кончики ушей кобелька зимнюю, посадили их Сергей Платонович на цепь. Спускали по ночам, да раз в год, весною, на случку.

Абз. Митька не успел повернуться лицом, к передним бабам по кинул ему лапы на плечи и сонную пасть в губа в дурашку. Рвали, тянули, клубились черным комом. Митька отбивался руками стараясь не упасть. Мельком видел, как Ермолин развешивая безобидные на трубки пекра прошел к низам и хлопнул крепкой дверью. На крыльце, спиной прислонясь к водоразборной трубе, стоял Сергей Платонович, сучил бычьи кулачки, торчащие из рукавов тестяных волосом. Митька кинулся вывернуть засов и на плечах волок за собой [illegible] бабу от [illegible], а от всех мелькомов с трудом отбили его проходившие мимо казаки.